

«Темные аллеи» — девятая постановка Максима Афанасьева в Барнауле и первая на основной сцене краевого драматического театра. Вполне осознавая ответственность, молодой режиссер очень старался и оттого, вероятно, использовал в работе всевозможный художественный инструментарий. Коллекция получилась немалой и разнородной. Постановщик применяет приемы литературного театра и собственно психологического, театра пластики и театра теней; видеопроекции, включающие фрагменты советских мультфильмов; песни современных исполнителей.

Бунин и мультяк — кто бы мог подумать?

Творческий метод Максима Афанасьева можно определить как эксперимент без границ. Это лоскутное шитье, созданное из всего, что оказалось под рукой, без особого отбора цвета и фактуры.

Что лично мне трудно принять, так это соединение тонкого стилиста Бунина с песенками под гитару,



**Он — Александр Хряков, Она — Елена Адушева.**  
**Новелла «В Париже».** Фото Андрея Каспришина

весьма простенькими как в части стихотворной основы, так и в части мелодики, и с мультиками. Современные фишки не выдерживают соперничества с текстом (который сам по себе музыка) и энергетикой классика. Зрители идут именно на Бунина, зал заполняется целиком, однако беспощадный микс отпугивает театралов, особо чувствительные покидают театр в антракте.

К счастью, в спектакле есть сильные стороны.

Смешивая десять новелл Бунина из цикла «Темные аллеи», предлагая им одновременное существование на сцене, режиссер внимателен к мизансценам, деталям, психологической разработке ролей. Каждая история имеет свой особенный фон и запоминается благодаря ярким подробностям.

В «Генрихе» газетная заметка о смерти героини несколько раз выводится на экран с «запинками», обрываясь на полуслове, — так воспринимает известие человек, не желающий верить в страшную правду. Отлично работает свет в самой драматической части новеллы «Кавказ», сцену уводят в монохром, оставляя зеленеть беспомощным лепестком надувной мячик. На «Дурочку», один из самых болезненных рассказов, пришлось наибольшее количество сценических затей: лошадка, калач, пластический танец любви, напоминающий капозэру, мультяк и песенка. Театр теней становится стержневым в новелле «100 рупий». В «Красавице» на сцене появляются манекены, макетоподобным становится Вдовец (актер Александр Шубин), а трогательный сынок его (актер Виктор Осипов), забавляющийся юлой и воздушным змеем, все более несчастным. В «Пароходе «Саратов»» пламенеет невозможно яркое платье героини (актриса Анастасия Дунаева), предстающей пред миром в скульптурных позах, а оттенки смыслов выявляет кукла, которую швыряет несчастный любовник (актер Игорь Черепанов).

«Мадрид» содержит эпизод девичьего оголения, очень деликатный, в нем больше стыдливости, чем чего бы то ни было. Сильнее бьет метафорическая сцена с портвейном, сливаемым из разных бутылок в Полин бокал. Новеллу «В Париже» открывает узнаваемая с первых слов бунинская цитата: «Из году в год, изо дня в день, втайне ждешь только одного, — счастливой любовной встречи, живешь, в сущности, только надеждой на эту встречу...» В парижском сюжете замечательны сцены с велосипедом и в синема, но главное, вся история отдана на откуп актерам, и новелла уже тем хороша,



Сцена из спектакля «Темные аллеи». Фото Андрея Каспришина

что играют ее Елена Адушева и Александр Хряков. Последняя любовь, последнее солнце... Нежность, смятение и решительный дамский ва-банк («Мы взрослые люди», — говорит героиня) — все интонации этой трепетной истории бережно переданы актерами.

И если говорить о пронзительной атмосфере «Темных аллей», которая все же случилась на сцене, то создают ее текст Ивана Алексеевича Бунина и игра актеров. Татьяна Королёва («Мечь»), Анна Бекчанова («Мадрид») подают своих героинь через острые психологические монологи, представляют почти моноспектакли; они столь убедительны, что зал не шелохнется; внимая горьким историям, зритель замер. В «Дурочке» мучится Семинарист, он едва ли не болен, переживая свое грехопадение, ненавидя себя и окаянного мальчика (Сергей Рассахань), прижитого с Дурочкой (Анастасия Южакова). Сильная, нервная и, пожалуй, лучшая на сегодня работа актера Дмитрия Плеханова. Хороши, привлекательны в любовной страсти Александр Rogozin и Мария Сазонова («Генрих»). Мария, дебют которой на сцене краевого театра драмы состоялся в булгаковской «Зойкиной квартире» год тому назад, в постановке по Бунину демонстрирует уверенность в своих силах, актриса раскованна и обаятельна.

В спектакле много действующих лиц, но никто не затерт, не потерян. Герои с характерами, жизненными историями, в которых угадывается и прошлое, и будущее.

Просто и функционально организовано сценическое пространство художником-постановщиком из Санкт-Петербурга Диной Тарасенко. Аллеи, разбитые правильным порядком на невысоких ступенях с помощью фонарей, создают впечатление грандиозных ночных (за счет обилия огней на сцене) регулярных парков юга. В квадратах между фонарями обозначается место действия: кафешки, вагонное купе, гостиничный номер. Декорации хороши своей обобщенностью, ненавязчивостью. Тема детства, заявленная режиссером в полифонии, помимо мультипликационных цитат, находит воплощение и в бутафорском контексте, на сцене много игрушек: мячики, воздушные змеи, кубики, юла, лошадка, велосипед и кукла. Спектакль и начинается проекцией на экран фотографий детей начала XX века. Видеокартинка дается в сочетании с живой сценой вокзальной суеты: озадаченные люди, с чемоданами, спешат по своим делам. Пролог, задающий сценическому повествованию эмигрантский мотив, был бы вовсе не плох, если бы мизансцена сильно не напоминала прелюдию к спектаклю «Зойкина квартира» (режиссер Алексей Логачёв). Находки и удачи в спектакле «Темные аллеи» существуют, к сожалению, наряду со штампами и прозрачным подражанием. Думается, что для Максима Астафьева не составит труда отбросить в сторону шаблонные костыли. Режиссер со столь развитой фантазией способен наполнить свои постановки открытиями. ■